

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Е. Л. Конявская

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ «ЖИТИЯ АВРААМИЯ СМОЛЕНСКОГО»

О «Житии Авраамия Смоленского», созданного его учеником Ефремом, в научной литературе написано немного. Однако такой момент, как «литературность» жития, насыщенность его цитатами, сравнениями и параллелями отмечали многие исследователи. В частности, была замечена зависимость «Жития Авраамия Смоленского» от агиографической традиции Нестора¹, о чем свидетельствуют и ссылки, и заимствования из его произведений. Кроме того, автор прибегает к подробным аналогиям и пространственным примерам из жизни других великих святых: Иоанна Златоуста, Антония великого, Феодосия Печерского и др.

Тем не менее, не только обилие реминисценций отличает это «Житие», но и то, каким образом они вводятся его автором.

Как правило, подобные аналогии — как система уподоблений — в древнерусской агиографии использовались, в первую очередь, тогда, когда святому слагается похвала или подчеркиваются особые заслуги, изначальная предназначенность его для подвига и т. д. Ефрем же, кроме указанных случаев, отмечает и подробно иллюстрирует сюжетные аналогии, которые приводит не только от своего лица, но и вкладывает в уста персонажей произведения. Важно отметить, что эти рассказы играют существенную роль в сюжете, ибо способны изменить ход событий. Так, об истории Иоанна Златоуста напоминает Лука Прусин, предостерегая от несправедного суда над Авраамием: «И вы слышасте, яко хотѣша сътворити прежде сего не имуща страха Божия и такия же безумнии и епис-копъ и како хотѣша бес правды убити и. Иже и еще порокъ золь и хула, и клятва зла, и гнѣвъ Божий и за 30 леть пребысть, и еще вы пребудеть, аще ся того не покаете»². По-видимому, эти слова повлияли на развитие ситуации, когда князь и «велмож» не признали за Авраамием никакой вины и отказались его судить.

Однако даже если аналогия используется для доказательства святости Авраамия, совершавшего *подобные* подвиги, подвергавшегося *подобным* искушениям и испытаниям, Ефрем не ограничивается только сравнением. Он разворачивает весь сюжет. Таковы рассказы о пребывании Иоанна Златоуста в пустыни, сравнения с искушениями Антония Великого. Такого же рода аналогия звучит

¹ См.: Буланин Д. М. Ефрем // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI— первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 126—128. Там же дана библиография работ о «Житии».

² ПЛДР: XII век. М., 1981. С. 82.

в словах епископа Игнатия: «А вы, чада, покаяйтесь, а сами вѣсте, что прияша отъ Бога въставшеи на великого Иоана Златоустаго; аще же не покаетесь, то то же и вы подѣимете»³.

Рассказывая об изоляции Авраамия, автор приводит сюжет из «Жития Саввы Освященного» об изгнании Ильи, патриарха Иерусалимского. Затем снова возвращается к истории Иоанна Златоуста и наказания его врагов. Тут же вспоминается сходный сюжет о некоем преподобном отце из «Златой Цепи».

Даже рисуя портрет Авраамия, Ефрем говорит, что тот похож на Василия Великого, «плеши-ву развѣ имѣя главу»⁴.

Таким образом, очевидно, что автор ощущает себя в контексте агиографической литературы, опираясь на хорошо известные ему произведения и рассчитывая, что эти сюжеты известны и его читателям.

Кроме указанной особенности в подходе автора к написанию «Жития» нельзя не отметить своеобразие похвалы Авраамию. Традиционное самоуничижение очень скоро переходит через грань необходимого и разворачивается во всестороннее самобичевание. Оказывается, Ефрем не только грешен, недостойн и ленив, но и «пусть бывъ всѣхъ благыхъ дѣлъ, развѣ въ праздно имя облекохося, въ аггельскый сий санъ, именемъ черноризецъ нарицаюся, дѣлы же злыми далече его отстою. А како нарекуся, — продолжает он, — абы последний нар-Ццися не могу, дѣла бо злая, яже сдѣяхъ, обличають мя и стужають, тѣмъ же последний въ житии и блаженому, рцѣмъ, быхъ ученикъ, иже ни по малу быхъ последуя житию, терпѣнию, смиреню, любви и молитвѣ и всѣхъ его благыхъ нравовъ и обычай, но по вся дни пианъ и веселяся, и глумяся в неподобныхъ дѣлехъ, иже въ правду быхъ празденъ»⁵. Далее Ефрем пространно восхваляет Авраамия и обличает себя: «Онъ умиленный плачяся, азъ же веселяся и глумяся; онъ иже на молитву и почитания Божественныхъ книгъ, на славословие въ Божию церковь тѣсяся, азъ же на дремание и на сонъ многъ...»⁶ и т. д. Не исключая в вышерассмотренных многословных пассажах элемента искреннего покаяния, все же нужно признать, что для Ефрема это художественный прием, использование которого свидетельствует о том, что автор для усиления впечатления, убедительности готов преувеличить свои грехи и пороки⁷. Это говорит об определенной зрелости авторского самосознания агиографа, который для создания нужного эффекта, очевидным образом, жертвует достоверностью. Контрастное противопоставление в данном случае — это художественное средство, использованное автором вполне сознательно.

Весь фрагмент с восхвалением учителя и самобичеванием автора дает возможность агиографу подойти к традиционной мысли о том, что он не способен по достоинству похвалить преподобного. Ефрем не просто говорит, что не в силах воздать святому достойную хвалу из-за грубости и неразумения, но и дает этому подробные разъяснения и обоснования: «Оного бо образъ свѣтель и радостень, и похвалень, образъ же мой темень и лукавъ, и мерзокъ, и безстудень, аще хошу, не достигну»⁸.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Там же. С. 96, 98.

⁶ Там же. С. 98.

⁷ Правда, исключительно как искреннее покаяние толкует этот текст В. Н. Топоров, который говорит, что житие написано «человеком совсем иного жизненного опыта и иных человеческих качеств, нежели его духовный наставник» (Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. II. Три века христианства на Руси (XII—XIV вв.). М., 1998. С. 66. См. также с. 105—106, 112.)

⁸ ПЛДР: XII век. С. 98.

Далее автор традиционно просит Божественной помощи в предпринятом начинании, обращаясь к Богородице. Однако вновь традиционное сменяется необычным: молитва о помощи в написании похвалы переходит в молитву о защите и покровительстве всей Русской земле.

После этого Ефрем обращается ко Христу — с просьбой об оставлении грехов лично ему, просит не отлучить его «лика преподобных» и послать ему «благодать в помощь», сохранить и избавить «отъ всѣхъ нападенийъ вражьихъ»⁹.

Какие страсти кипели в Смоленске в конце XII— начале XIII века и душе инокa Ефрема? Это скрыто от нас. Но очевидно, что Ефрем был заметной фигурой в городе и — в гуще событий. Не он ли был одним из двух учеников Авраамия, прислуживающих ему в самые сложные моменты его жизни? Осведомленность автора и отсутствие ссылок на чьи-либо рассказы говорят о том, что он, скорее всего, был рядом с преподобным.

Трудно согласиться с митрополитом Макарием в том, что «Житие Авраамия» не отличается художественными достоинствами¹⁰. Ефрем, безусловно, — выдающийся писатель. Мастерски использует он прямую речь — не в расплывчатых безликих монологах, а в кратких и выразительных репликах. Так, Авраамий говорит о себе: «Быхъ 5 лѣтъ искушения терпя, поносимъ, бесчествуемъ, яко злодѣи»¹¹. Враги говорят об Авраамии: «Се уже весь градъ к собѣ обратилъ есть»¹². Отлучая Авраамия, игумен произносит: «Азъ за тя отвѣщаю у Бога, ты же престани уча»¹³.

Яркую картину представляет Ефрем, описывая надругательства над святым: «Послания же слугы, емше, яко злодѣа влачяху, овии ругахуся ему, инии же насмихахуся ему и бесчинная словеса кыдающе, и весь градъ и по торгу, и по улицамъ — вездѣ полна народа, и мужи же, глаголю, и жены, и дѣти, и бѣ позоръ тяжекъ видѣти», — сетует автор и рисует трогательный и красивый образ преподобного: «блаженный же бѣ яко птица ять руками, не умѣа, что глаголати или что отвѣщати...»¹⁴.

Талант и верность Ефрема были, по-видимому, по заслугам оценены смолянами, которые включили его имя в службу Авраамию, причем Ефрем в ней именуется «божественным»¹⁵.

⁹ Там же. С. 100.

¹⁰ Макарий. История русской церкви. М, 1995. Кн. 2. С. 383. » ПЛДР: XII век. С. 74.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 76.

¹⁴ Там же. С. 80.

¹⁵ См.: Макарий. История русской церкви. С. 516. Это еще раз подтверждает, что грехи его имеют «литературный» характер.

